

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Л.Е. Габрилович

О ДВУХ НАУЧНЫХ ПОНЯТИЯХ МЫШЛЕНИЯ (К ОБОСНОВАНИЮ ОДНОЙ ДАТИВИСТСКОЙ ЛОГИКИ)

От переводчика

Леонид Евгеньевич Габрилович (псевд. Л.Е. Галич; 1878–1953) – математик, философ, инженер-изобретатель, родился в Москве в семье врача. Он окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1895–1899), затем до 1901 г. состоял ассистентом на кафедре гистологии и эмбриологии медицинского факультета Томского университета, занимаясь, в частности, исследованиями сетчатки глаза у головоногих моллюсков, которым посвятил работу на немецком языке “Ueber die Entwicklung der Retina bei der Cephalopoden” («О развитии ретины у головоногих моллюсков»). С 1901 г. до отъезда из России, а затем и в эмиграции Габрилович активно занимался литературной и публицистической деятельностью, печатал многочисленные статьи и рецензии, писал стихи. Он был близок к литераторам, группировавшимся вокруг сборников «Факелы», читал свои работы на «башне» Вяч. Иванова, участвовал в «пятницах» К.К. Случевского, посещал вечера Ф. Сологуба. Начиная с 1902 г. Габрилович напечатал ряд философских статей в журналах «Вопросы философии и психологии», «Новое дело», «Полярная звезда», «Свобода и Культура» и др. В 1905 г. в свет вышла его брошюра «Новейшие русские метафизики (Идеализм П. Струве)». В 1905 г. Габрилович заведовал отделом в первой легальной большевистской газете «Новая жизнь», выступая со злободневными политическими заметками, но затем, после 1905 г., он уже сотрудничал с печатными органами кадетской ориентации («Речь», «Русская мысль», «Русское слово» и др.). С 1909 по 1918 гг., т. е. вплоть до момента эмиграции из России Габрилович преподавал в должности приват-доцента на кафедре философии на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, читая преимущественно курсы по истории античной философии и философии естествознания и точных наук. В этот период в 1914 г. вышла его книга «О математическом мышлении и понятии актуальной формы» (“Ueber mathematisches Denken und den Begriff der aktuellen Form”. Berlin, 1914). После 1918 г. Габрилович переехал в Берлин, затем в 1921 г. – в Париж. Он был одним из основателей Русского научно-философского общества, созданного в 1930 г. В конце 1930-х гг. эмигрировал в США. В 40-е гг. Габрилович сосредоточил внимание на изучении творчества Достоевского. Вместе с тем Габрилович занимался исследованиями в области прикладной математики и физики, а также работал над рядом конкретных усовершенствований в электротехнике: им был предложен способ многократного беспроволочного телеграфирования (метод многократной передачи сигнала). Данное изобретение во многом базировалось на проведенных им опытах

еще в Томском университете, оно было предназначено для использования в разработке транспондера для ВВС и ВМС США и для проекта освоения Луны. Габрилович умер в Вашингтоне, похоронен в Нью-Йорке.

Предлагаемая вниманию читателей статья была написана Габриловичем в период, когда он находился под сильным влиянием «имманентной философии», причисляя себя к ученикам Вильгельма Шуппе (1836–1913). Она была впервые опубликована в журнале “*Archiv für systematische Philosophie*” (Bd. XV. 1909 г.) на немецком языке под названием “*Über zwei wissenschaftliche Begriffe des Denkens*” и имела подзаголовок “*Zur Grundlegung einer dativistischen Logik*”. Это исследование явилось этапом в разработке Габриловичем своей логико-гносеологической концепции, итогом чего стала публикация им упомянутой выше работы «О математическом мышлении и понятии актуальной формы».

1. Любой процесс мышления есть духовная деятельность и осуществляется в определенных переживаниях, которые образуют наряду с чисто чувственными данными нашего опыта (восприятиями, чувствами и стремлениями) особый класс содержаний сознания¹. Мы мыслим в понятиях и суждениях. Это – взятые с чисто фактической точки зрения – очень сложно фиксируемые и очень сложно анализируемые составные части нашего непосредственного опыта, которые очень редко выступают изолированно, но по большей части в тесном соединении со словами и предложениями. Так, с полным правом можно утверждать, что, по крайней мере, у нас, европейцев, точнее, у образованных европейцев, понятия и суждения выступают вообще только как психические феномены, ассоциированные со словами и предложениями. Слово, предложение имеют, наряду с их языковым материалом (им принадлежащим или усматриваемым буквенным составом), еще и психологический² смысл, который вовсе не совпадает и не должен совпадать с их понятийно определенным и фиксированным значением, но в большинстве случаев выступает в форме некоторого скрытого, неопределенного, расплывчатого представления, которое было точно охарактеризовано Джеймсом как психологический ореол (*fringe*)³ слова. В этих неопределенных, туманных, переливающихся образах по большей части осуществляется наше мышление. А если мы хотим придать ему точность, то мы пытаемся продвинуться от этого туманного ореола к чему-то более постоянному и понятному, пытаемся определить созерцаемое содержание (*Gehalt*), которое показывается посредством слов и ассоциированных с ними значений (*Inhalt*).

2. До тех пор пока мышление понимается только как переживание специфических мыслительных данных (*Denkdaten*) (например, понятийных представлений и их объединений), мы имеем дело с психологией мышления. Можно и должно исследовать, как и при каких условиях эти данные возни-

¹ Здесь проявляется влияние имманентной философии Вильгельма Шуппе, учеником которого Габрилович был во время своей стажировки в университете Грайфсвальда в 1910–1912 гг. О влиянии имманентной философии, испытанном им в эти годы, Габрилович упоминает, например, в переписке с Вейнбаумом. – *Примеч. пер.*

² Габрилович в данной статье использует слово «психологический» в смысле «психический» («психологический смысл», «психологический ореол», «психологические акты» и т. п.). Кроме нескольких исключений, мы оставили такое словоупотребление как стилистическую особенность авторской речи. – *Примеч. ред.*

³ Так в немецком тексте: английское *fringe* (периферия) дано в скобках после немецкого *Oreole*. – *Примеч. ред.*

кают в нашей душевной жизни, посредством чего в случае каузальных или иных взаимосвязей они связываются с определенными интеллектуальными чувствами (*Denkgefühl*), например с чувством очевидности или логической необходимости (*Denknotwendigkeit*) и т. д. В логике или теории познания такие исследования никогда не могут быть осуществлены. Поскольку логика имеет дело не с мыслительными данными (*Denkdaten*), не с понятиями или суждениями как содержаниями, как разновидностью психических образований, но исключительно со значением этих образований, с действительностью, на которую они указывают и которая через них показывается. Психология спрашивает: что есть понятие (как духовное образование)? Логика спрашивает: что подразумевает понятие (на какую действительность, на какие объективные отношения указывает понятийное представление)? Бросается в глаза, что здесь имеются две полностью отделенные и независимые друг от друга постановки проблемы. Так, различные психические образования могут указывать на соответствующие фактические обстоятельства, на соответствующие объективные отношения. Однако бывают такие психические образования, которые вообще не указывают ни на какое фактическое обстоятельство, вообще не имеют никакого логического смысла (например, «понятие» «деревянного железа», которое вовсе не имеет какого-либо логического смысла, но, вероятно, имеет психологический смысл, поскольку слова «деревянное железо» мы понимаем)⁴.

3. Была сделана попытка полностью исключить из логики объективный смысл понятий, выдвинув утверждение, что нет никакой действительности, к которой могли бы относиться наши понятийные представления или которая могла бы через них проявляться. В этом случае объективный смысл понятий состоял бы исключительно в их отношении к определенным суждениям, выполнение которых требовало бы абсолютного долженствования и поэтому должно было бы абсолютно признаваться. Я здесь имею в виду так называемую нормативную школу в логике⁵, которая, как и почти все более новые философские направления, разыгрывает из себя единственную законную наследницу кантовского критицизма. То, что утверждают нормативисты, может быть кратко выражено следующим образом. Поскольку чистое переживание содержания сознания не эквивалентно знанию о действительности (эта действительность также может пониматься как чисто имманентный непосредственный опыт), то не может быть никакой известной действительности, с которой правильность наших суждений могла бы сопоставляться. Итак, если вообще позволительно говорить об истине, то критерий истины лежит не вне осуществляемых нами суждений, но в самих этих суждениях, поскольку судящее сознание, так сказать, само создает любой вид известной действительности⁶. Рассматривая смысл наших актов суждения, нормативисты определяют любое суждение как утвердительный или отрицательный ответ на поставленный судящим сознанием вопрос, или, короче говоря, как принятие или отрицание определенной связи между понятийными представлениями. Здесь нормативист полагает, что сущность утверждения или отрицания со-

⁴ Как это точно раскрыл проф. Александр Введенский в своей замечательной «Логике». (Габрилович имеет в виду книгу своего научного руководителя в Санкт-Петербургском университете Александра Ивановича Введенского «Логика как часть теории познания», откуда и взят данный пример. – *Примеч. пер.*)

⁵ Под нормативной, нормативистской школой в логике Габрилович понимал неокантианское направление, главным образом Риккерта. – *Примеч. пер.*

⁶ Здесь Габрилович очень точно показывает суть имманентистской философии, под влиянием которой, как упоминалось выше, он был некоторое время. – *Примеч. пер.*

стоит в том, что в них нечто признается в качестве того, что должно быть (*Seinsollendes*), или отвергается в качестве того, что должно не быть (*Nicht-seinsollendes*). Из чего последовательно заключается, что за суждением признается некоторое долженствование и что истинность⁷ мышления состоит не в его согласовании с некоторой действительностью, некоторым смыслом, а в его согласовании с некоторым долженствованием.

4. Таким образом, ясно, что нормативизм, несмотря на его антипсихологистскую окраску и его доведенное до крайности высокомерное презрение к психологизму, тем не менее рассматривает наши понятия и суждения как психологические образования. Поскольку принимаемое или отвергаемое отношение, аристотелевское *κατάφασις* и *ἀπόφασις*⁸, в любом случае помещается в психологический мыслительный процесс, постольку и то, что отрицается и утверждается, является, конечно, психологическим понятийным представлением. Если нормативист скажет, что смысл суждения состоит в данном утверждении и отрицании, в этом утверждающем признании или отрицающем отклонении связей некоторых представлений, то в этом с ним можно спокойно согласиться. Однако следует ли делать шаг дальше и искать ответ на вопрос, что же дает нам право принимать или, напротив, отбрасывать определенные связи между представлениями? И если на это последует ответ, что это есть «осознание долга», связывающее в каждом отдельном случае представления только так, а не как-то иначе, то мы позволим себе это сознание долга, сопровождающее определенные связи представлений, понимать как то, что оно есть, а именно как чисто психологический факт, который не имеет ничего общего с объективным логическим смыслом наших суждений; более того, принадлежит к тому же классу чисто психологически-эмпирических критериев истины, к которому можно отнести, например, «непосредственное чувство очевидности», зигвартовское «чувство логической необходимости», а также все другие подобные удостоверяющие истину чувства. Поскольку чувство, если оно также является чувством долга, относится к психической стороне мышления, [то] оно является психическим феноменом, сопровождающим связи определенных мыслительных данных (*Denkdaten*), связи определенных психических образований, но не имеет ничего общего с объективным значением этих данных, с тем, что они подразумевают и на что они указывают. Так позволим же нормативистам, чтобы чувство долга освободилось от заблуждений⁹. Следовательно, чистейший релятивизм чувств был бы непоколебимым фундаментом объективной логики того, что должно быть (*objektiv-seinsollenden Logik*)¹⁰!

5. Здесь нормативист мог бы возразить, что действительность, о которой не вынесено суждения, вообще не может осознаваться. «Кто хотел бы привести свои суждения в согласие с действительностью, тот должен был бы уже обладать суждениями о том, что действительно есть, чтобы смочь это

⁷ Здесь и далее Габрилович употребляет немецкое слово *Wahrheit* 'истина' (в выражениях вида «истина мышления», «истина суждения» и т. п.), имея в виду то, что в современной логике принято называть истинностным значением или истинностной оценкой. В качестве компромиссного решения между формой речи Габриловича и ее смыслом мы передаем эти случаи (кроме нескольких исключений) как «истинность». – *Примеч. ред.*

⁸ *греч.* «утверждение и отрицание». – *Примеч. ред.*

⁹ *Rickert H. Der Gegenstand der Erkenntnis. 2. Aufl. Tübingen; Leipzig, 1904. S. 156.*

¹⁰ То, что основание так называемого нормативизма сводится к чистому психологизму, было исчерпывающе показано проф. Э. Гуссерлем на примере знаменитой «Логики» Зигварта, и требуются только незначительные дополнения, чтобы вскрыть также психологизм Виндельбанда и Риккерта. Ср.: *Rickert H. Op. cit. S. 104, 106, 151, 156; ср. также: Husserl E. Logische Untersuchungen. Bb. I. Halle, 1900. S. 126–136.*

сделать»¹¹. «Это должествование (вложенное в суждение чувство должного) нельзя, например... вывести из того, о чем суждение должно высказываться, из того, что существует, поскольку, чтобы знать, что существует, об этом нужно уже иметь вынесенное суждение. Так, знание уже есть обладание истиной, и истина появляется только в суждении»¹².

Аргументация нормативизма очевидным образом опирается на положение, что все знания являются суждениями. Данная аргументация имеет прямо-таки бросающуюся в глаза схожесть с релятивистским эмпиризмом, который понимает любое мышление как психологический процесс в живом индивидууме, а его закономерности хочет свести к психофизической конституции данного существа (или его вида). Как в релятивистском эмпиризме психологический мыслительный процесс считается лишь разновидностью психического события и его объективное значение полностью игнорируется, так и нормативист знает только уже осуществленные суждения или суждения, которые еще только должны быть осуществлены, и не замечает, что эти суждения и связываемые в них понятийные представления также еще нечто обозначают, что они указывают на определенные фактические обстоятельства. *In abstracto* легко можно позволить себе сказать: «суждение должно выноситься, поскольку оно должно быть вынесено, но не потому высказывается, что [нечто] действительно есть»¹³; но если мы рассмотрим *in concreto* любое суждение восприятия (например, следующее: «сейчас я слышу звук» – или следующее: «сейчас я ощущаю боль»), то мы обнаружим, что наше высказывание указывает на непосредственную настоящую действительность, ухватываемую в суждении, но отнюдь не создаваемую суждением. Переживаемые звуки, ощущаемая боль являются составными частями некоторой действительности, на которую прямо указывается в суждениях восприятия, и содержание всех наших суждений восприятия относится к свойствам и качествам этой непосредственно предданной действительности. И здесь возникает вопрос, может ли знание о свойствах выступать только в качестве суждений. Если мы должны положительно ответить на этот вопрос, то нормативист прав и критерий истины опирается только на субъективное чувство. Но если мы можем ответить отрицательно, то мы противостояем некой (пусть и чисто имманентной) качественно определенной действительности, с которой как с объективным критерием может соотноситься истинность и неистинность наших суждений.

6. Согласно строго нормативистскому пониманию, логическая сущность понятия – это его определение, поскольку только в суждении о «должном быть» (*seinsollenden*) выявляется сущность объекта. Определение есть суждение, в котором посредством понятия выражаются сущностные признаки объекта, а именно в первую очередь *genus proximum*¹⁴ и *differentia specifica*¹⁵. Однако, с другой стороны, эти сущностные признаки сами являются понятиями, и если мы хотим их логически схватить, то есть установить их логическую сущность, то мы должны – всегда, с нормативистской точки зрения, – представлять себе их определения. Однако в этих новых определениях перед нами предстанут новые преддицируемые понятия, которые снова требуют нашего определения. Мы оказываемся перед регрессом *ad infinitum*, поскольку, чтобы понять простейшее понятие, мы должны, согласно смыс-

¹¹ Rickert H. Op. cit. S. 118.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ лат. «ближайший род». – Примеч. ред.

¹⁵ лат. «видовое отличие». – Примеч. ред.

лу нормативистского учения, либо осуществить бесконечный ряд суждений, либо исходить из некоторого числа элементарных понятий, которые вообще не понимаются или вообще не имеют смысла, поскольку всегда выступают в качестве предиката суждения, но никогда не выступают в качестве субъекта суждения.

Однако повседневный опыт показывает, что мы на каждом шагу имеем дело с рядом понятий, которые не поддаются дальнейшему определению, но, однако, строго различаются нашим рассудком. Здесь я имею в виду, например, понятия цветов: красный, желтый, черный, лиловый, белый – далее, основные геометрические понятия, такие как кривое и прямое, слева и справа, сверху и снизу. То, что все эти понятия значат, невыразимо ни в каком определении. Различие красного и желтого невыразимо. Это есть последние, элементарнейшие понятия, подлинные *infimae species*¹⁶, которые не могут быть сведены ни к каким другим, последним. С тем, что они тем не менее имеют устойчивое значение, согласится также крайний нормативист. Они относятся также к понятиям общей природы в том случае, если они не могут быть разделены на отдельные признаки, например звук, цвет, запах. То, посредством чего зрительные, слуховые или тактильные ощущения отличаются от ощущений запаха, не может быть выражено понятийно. Мы говорим, что это различие невыразимо, что ему не может быть дано никакое определение. Тем не менее эти последние, далее не определяемые понятия, не только существуют, но и имеют твердое значение.

Здесь нормативист мог бы сказать, что это значение существует только благодаря суждениям, в которых такие последние понятия высказываются в качестве предикатов. Так, например, сущность понятия «звук» состоит в том, что оно встречается в качестве предиката в некотором определенном ряду суждений. Тогда нам бросилось бы в глаза, что эти суждения есть суждения восприятия или преобразуются в суждения восприятия. Но если мы внимательно всмотримся в то, что эти суждения либо являются суждениями восприятия, либо могут быть преобразованы в суждения восприятия, то есть представляют собой такие суждения, в которых в качестве субъекта выступает не понятие, а указываемая при этом составная часть непосредственного опыта («Вот это более или менее есть звук»), то в качестве необходимого следствия обнаруживается, что значение всех этих понятий состоит в их отношении к конкретному наглядному содержанию нашего непосредственного опыта. При этом достаточно все равно, толкуем ли мы это отношение так, что, например, данное содержание является белым потому, что о нем понятие белого вынуждено [*müssen*] необходимо сказываться (или – разрешим нормативисту его «*soll!*» – обязано [*sollen*] сказываться), или так, что понятие «белое» потому сказывается о данном содержании, что само это содержание – белое. Главный результат состоит в том, что значение каждого элементарного понятия нужно искать в его устойчивом предикативном отношении к ряду наглядных составляющих частей нашего непосредственного опыта. Если мы представим эти составляющие части, то мы сможем понимать указывающие на них элементарные понятия как их общий предикат.

Исключительно предикативное значение всех элементарных понятий с трудом сочетается с основной тенденцией нормативизма, поскольку для него не существует действительности, с которой как с последним критерием могла бы соотноситься истинность наших суждений. Но оказывается, однако, что такая действительность существует: это те самые наглядные содержа-

¹⁶ лат. «наименьшие виды». – Примеч. ред.

ния нашего непосредственного опыта, с которыми как со своими субъектами соотнесены наши элементарные понятия. Если «белое» означает «предикат таких-то и таких-то (непосредственно указываемых) содержаний», то, говоря «белое», я подразумеваю не нечто изменчивое и переливающееся, которое ассоциируется с этим словом и может быть названо его психологическим значением, но совокупность содержаний, к которым белое относится как предикат; и это независимо от того, необходимо (*muß*) ли понятие «белое» относится к данным содержаниям или же только должно (*soll*) относиться. Поскольку логическое значение «белое» состоит не в этих «необходимо» (*muß*) или «должно» (*soll*), но только в его предикатной позиции. Я говорю «белое» и подразумеваю содержания, называемые «белое», поскольку они называются «белое». Поскольку вне этого предикативного отношения слово «белое» вообще не имеет логического смысла (поскольку оно никогда не может выступать в качестве субъекта определения) и было бы только психологическим *нечто*, изменчивым и переливающимся ореолом.

7. Но если логическое значение элементарных понятий состоит в их предикативном отношении к определенным наглядным содержаниям нашего непосредственного опыта, то – и это логично! – любое суждение восприятия является включением содержания, о котором в нем выносятся суждение, в класс других [содержаний]. Когда я говорю «это есть белое», то я должен значение «белое», то есть его предикативное отношение к некоторому классу составных частей опыта, перенести на данное мне сейчас содержание. Я говорю, таким образом, ровно столько, чтобы это данное мне сейчас содержание было отнесено к ряду других [содержаний]. Я утверждаю в каждом суждении восприятия исключительно единство содержаний. Каждое суждение восприятия логически говорит, что такие-то и такие-то составные части опыта представляют собой единое целое. Даже нормативист может быть прав, когда говорит нам, что это единство основано на идентичности долженствования, поскольку именно посредством двух составных частей опыта должно утверждаться это самое элементарное понятие; это ничего не меняет в том факте, что логическое значение суждения состоит не в утверждении понятия-предиката (как чего-то психологического), но в предикативности его значения, то есть в утверждении общности, во включении данного сейчас содержания в класс других [содержаний].

Но если логический смысл всех суждений восприятия оказывается утверждением единства содержаний, то возникает вопрос: можно ли только в суждении что-то узнать о такой взаимосвязанности? Этому противоречит наш непосредственный опыт, который еще до всякого мышления и суждений демонстрирует нам не только некоторое множество содержаний, некоторый пестрый хаос составных частей опыта, но также и отчетливые группы взаимосвязанных содержаний в качестве, так сказать, составляющих более высокого уровня. Непосредственный факт, который нужно констатировать, состоит в том, что мы переживаем не только единичные содержания, но также, как метко подметил уже Юм, и схожесть содержаний. Так, все содержания даны нам группами, и как мы точно отличаем одно содержание от другого, то так же мы отличаем совокупность наших зрительных восприятий от совокупности наших слуховых восприятий или комплекс красных пятен от комплекса желтых пятен без необходимости выносить об этом суждение. Единство определенных содержаний есть непосредственно данный факт.

Итак, если в наших суждениях восприятия выражается не более чем взаимосвязь, то существует объективная действительность, с которой может соотноситься истинность этого осуществляемого в высказывании суждения.

Только нужно, конечно, перейти от психологического значения слова к его логическому значению, то есть к той группе содержаний, на которую указывает преддицируемое понятие. Таким образом, необходимость суждения имеет свое основание в этом фактически непосредственно данном единстве, а именно в фактическом положении дел: утверждаемом в суждении единстве.

8. Таким образом, имеется некоторая объективная действительность, на которую указывают наши понятийные представления. Эта действительность является непосредственно данной, однако не в атомистическом понимании, как скопление разрозненных элементов, а как упорядоченное целое непосредственно связанных друг с другом содержаний. Фактическое есть, в известном смысле, система, она основывается на группах содержаний, которые, начиная с единичных данных, объединяются в единства все более высокого уровня, вплоть до последнего всеобъемлющего единства – совокупности фактически данного (непосредственного опыта).

Так имеется ли эта система всегда в наличии, раз мы обнаруживаем ее эмпирически как нечто данное в каждом моменте нашего опыта? На этот вопрос нужно ответить отрицательно. Эмпирически наше мышление движется частично в обрывочных наглядных содержаниях, частично в замещающих мыслительных образованиях, в тех психологических понятийных представлениях, о которых шла речь раньше (§ 1 и 2). Но если мы тем не менее утверждаем, что значение всех наших понятий основано на актуальном существовании этой системы, то это является только выражением того факта, что, хотя мы и способны просто переживать любые понятийные представления без вникания в их смысл, данный смысл (по крайней мере, у элементарных понятий) может состоять только в фактической связи этих взаимосвязанных содержаний непосредственного опыта, тогда как соответствующее элементарное понятие выступает в качестве необходимого предикативного определения этих содержаний. Итак, как только мы обнаруживаем смысл элементарного понятия, мы имеем перед собой определенную взаимосвязанную группу наглядных содержаний опыта. Если бы смысл всех элементарных понятий был реализован, то мы имели бы систематически упорядоченный непосредственный опыт, а в качестве его символических представителей функционировали бы наши понятийные представления.

Таким образом, взаимосвязь содержаний составляет смысл всех суждений восприятия, и поскольку эта взаимосвязь не создается впервые посредством суждения, но дается нам как некая абсолютная фактичность в непосредственном опыте, то мы можем эти суждения восприятия верифицировать посредством того, что переходим от психологического суждения (то есть от психологического преддицирования некоторого понятийного представления о данном в этот момент содержании) к логическому значению соответствующего понятийного представления и наблюдаем, действительно ли актуально данное содержание соединяется с группой содержаний, которая демонстрируется посредством преддицируемых представлений, в единство более высокого уровня. Так, например, если мы говорим «красное», то видим, оказывается ли актуально данное восприятие «подобным» или же «взаимосвязанным» с группой содержаний, указываемых посредством понятийного представления «красное». Если эта взаимосвязанность – факт, то суждение объективно обосновано и истинно, выражаемая в нем взаимосвязь соответствует объективному положению дел. И эта истинность суждения основывается не на чувстве логической необходимости или очевидности, не на психическом или психофизическом устройстве нашего вида, не на всегда относи-

тельном «невозможно (для нас) мыслить по-другому». Истинность суждения не имеет ничего общего с мыслительным процессом или даже с фактическим характером понятийных представлений, любое суждение абсолютно истинно, если оно не утверждает ничего, кроме некоторой взаимосвязи, и если фактически существующее соответствует этой утверждаемой взаимосвязи. Если суждение вообще должно иметь смысл, то он состоит в отношении суждения к данному непосредственному опыту. Суждение является абсолютно истинным только в отношении к этому данному, а не чисто релятивистскому ограничению, такому как «невозможно мыслить по-другому» или «нельзя мыслить по-другому». Поскольку мы здесь имеем дело не с мыслительным процессом, протекающим в психофизической или психологической сущности, но с идеальным отношением логического смысла к подразумеваемой им действительности. То, что символом этого логического смысла становится понятийное представление, является при известных обстоятельствах совершенно второстепенной вещью.

9. Что такое логический смысл наших элементарных понятий? Принадлежность к группе содержаний. Так, «красное» подразумевает принадлежность к тем содержаниям, которые как «красное» включаются в единство более высокого уровня, «звук» – принадлежность к группе слуховых ощущений и т. д. Это, таким образом, всегда есть принадлежность (которую нужно непосредственно констатировать) к группе содержаний, выражаемых посредством элементарных понятий. Тогда спрашивается в каждом отдельном случае, какая же, собственно, группа (из бесконечного числа данных групп) подразумевается? Состоит ли логический смысл понятия в простом указании на наглядно данное нечто? Как в этом случае сохраняется логическая четкость, определенность и постоянная тождественность значения самому себе? Мы исходили из того, что понятие должно иметь смысл, если оно само не было вынуждено утратить силу (*depotenzieren*) в неустойчивом психическом образовании. Но если понятие имеет некоторый смысл, то оно должно указывать не на какую-то неопределенную составляющую нашего наглядного опыта, но только на полностью определенную. Но как группа содержаний или отношение принадлежности может достичь полной определенности? Только лишь в качестве интегрируемой части конкретного систематического порядка, части системы фактически данного. Спрашивается, существует ли такая система, такой систематический порядок? Мы видели, что они, вероятно, существуют, так как любое данное является одновременно элементом некоторой группы, каждая группа – элементом единства более высокого уровня и, наконец, эти группы и единства включаются в единое целое нашего совокупного опыта. Не имеет значения, что эти группы и единства даны в каждый момент нашего опыта не полностью и не в систематическом порядке. Тем не менее они существуют идеально, поскольку что же иное означает суждение восприятия, как не (фактически констатируемую) принадлежность к определенной группе, что значит познание этой группы, как не ее фактически констатируемую принадлежность к единству более высокого уровня (группы «красное», например, к единству зрительных восприятий), и что значит познание этого единства, как не противопоставление его другим единствам, которые вместе с ним составляют целое нашего совокупного опыта?

Следовательно, наши элементарные понятия ведут к такой фактической организации нашего опыта, которая если даже не дана в каждый момент как непосредственно наличная система, то все-таки как систематический порядок фактически констатируемых единств дает всем нашим суждениям их

единственно возможный смысл. Все наши понятия только в той степени имеют смысл, в какой они приводят к этому фактически данному, известному систематическому порядку опыта и указывают на определенное место в этой системе. Если систематический порядок изменяется, то все наши понятия теряют свой смысл, и тогда мы не можем говорить ни о красном, ни о звуке, ни о зрительных, ни о слуховых восприятиях. Так как «красное», «звук», зрительные и слуховые восприятия являются, по их логическому смыслу, не чем иным, как определенными, указанными посредством понятийных представлений местами в некоторой системе, как понятия «два», «три» или «двадцать» по своему смыслу представляют только определенные позиции или члены определенного натурального числового ряда.

Таким образом, мы приходим к результату, что смысл наших элементарных понятий, в противоположность психологическому субстрату понятийных представлений, есть нечто единичное и, так сказать, однократно существующее. Поэтому все наши понятия ведут к объекту, существующему в единственном экземпляре, к систематической организации опыта. И как существует только один натуральный числовой ряд, хотя много психологических представлений о нем, так же существует только одна система опыта, и как существует только одно число 5, хотя много психологических представлений о нем, так существует только одно идеально указанное место в системе непосредственного опыта, которое соответствует понятию «красное», хотя существует много психологических представлений о красном.

10. Со времени Декарта в теории познания установлено, что существование только непосредственно данного может рассматриваться как несомненное. Из этой несомненности данного исходит вся современная философия. И до сего дня спрашивают также, имеет ли эта разновидность невозможности думать (*Nicht-denken-können*)¹⁷ своим основанием чистую «очевидность», то есть чистое чувство? Конечно, релятивист мог бы сказать, что сомнение в этой невозможности данного есть следствие нашей психической конституции. Следовательно, могли бы также существовать такие существа, для которых не было бы этой связывающей нас необходимости и которые логически и психологически вполне довольствовались бы сомнением в существовании данного. То, что это является выводом, с которым должен считаться каждый честный релятивист, убедительно показал проф. Гуссерль. Однако мы, в противоположность релятивистам, прокладываем философский путь, в основном начертанный уже Аристотелем в его полемике с гераклитовской школой. Мы не спрашиваем о психологическом протекании мышления, о чувствах, которые сопровождают мышление, но всегда лишь о значении мышления, πρὸς δὲ τοῦτους ἀρχὴ ὁ ὀρίσμιος¹⁸. Если мы оспариваем существование данного, то спрашивается, может ли со словом «существование» связываться вообще какое-нибудь еще значение?

Если мы далее рассмотрим суждения восприятия, то есть констатации свойств непосредственно данных содержаний, то обнаружится, что истина этих суждений также превыше всяких сомнений, поскольку она, как мы видели выше, может быть непосредственно проверена. И так получается, что дескриптивная феноменология непосредственно данного представляет со-

¹⁷ Здесь – невозможности сомневаться в непосредственно данном. – *Примеч. ред.*

¹⁸ *греч.* «Начало же против них – определение». – Парафраз фрагмента 1012a 21–22 из «Метафизики» Аристотеля (кн. IV, гл. 7): “ἀρχὴ δὲ πρὸς ἀπαντας τοῦτους ἐξ ὀρίσμιου” («Началом же [для возражения] против всех них должны послужить определения» (рус. пер. по: *Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1976*). В последующей части главы Аристотель как раз полемизирует с Гераклитом и Анаксагором. – *Примеч. ред.*

бой, во-первых, абсолютно беспредпосылочную, во-вторых, абсолютно несомненную дисциплину, которая может служить базисом как для психологии, так и для теории познания.

В противоположность философским течениям, которые понимают мышление только как мыслительный процесс, то есть как утверждающую или отрицающую связь психологических понятийных представлений, я хотел бы развиваемый здесь взгляд обозначить как дативизм.

Дативизм видит в понятийных представлениях всего лишь знаки, указывающие на постоянное место в системе непосредственного опыта. Он полагает, что значение любого понятия предполагает соответствующую устойчиво расчлененную систему, как это осознал уже Гегель, что абстрактное свойство может претендовать на значение только как интегрированный член системы.

От [подходов] Больцано и Гуссерля дативизм отличается тем, что он рассматривает качества данных содержаний не как изолированно существующие виды (в смысле логического реализма), но просто как внутренние единства (*Zusammengehörigkeit*), которые непосредственно констатируются. От понимания, представленного Ремке, дативизм отличается тем, что ищет ответ на вопрос, *что же* дает нам право отождествлять «определенности», или «общие качества», данные в различные моменты нашего опыта. Однако об этом нужно говорить более детально, что должно быть осуществлено в «Дативистской логике» автора, которая должна вскоре выйти¹⁹.

Перевод *А.В. Шевцова*

Под редакцией *Т.А. Шияна и А.А. Шиян*

Шевцов Александр Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель. Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет). Российская Федерация, 125993, ГСП-3, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4; e-mail: ashevzov@mail.ru

Шиян Анна Александровна – кандидат философских наук, доцент учебно-научного центра феноменологической философии. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6; e-mail: annasamoikina@mail.ru

Шиян Тарас Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Российская Федерация, 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23, стр. 5а; e-mail: taras_a_shiyan@mail.ru

¹⁹ Этот замысел Габриловича был реализован им в упомянутом выше исследовании 1914 г. под название «О математическом мышлении и понятии актуальной формы».